

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

**Ступени развития религии:
высшие естественные религии**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1904. № 3. С. 357-377.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ РЕЛИГІИ.

ВЫСШІЯ ЕСТЕСТВЕННЫЯ РЕЛИГІИ.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

ОХАРАКТЕРИЗОВАВЪ въ главныххъ чертахъ низшія естественныя религіи, перейдемъ теперь къ высшимъ. За періодомъ миѳообразованія, съ его неорганизованнымъ полидемонизмомъ и его магическими обрядами, находящимся еще всецѣло подъ господствомъ анимизма, слѣдуетъ періодъ, который мы называемъ миѳологическимъ, когда образуется организованный политеизмъ; міръ боговъ, заключенный теперь въ опредѣленныя границы, все болѣе и болѣе гуманизируется, и моральный элементъ въ силу этого все сильнѣе и сильнѣе предъявляетъ свои требованія, хотя и не достигаетъ еще господства надъ природой.

Сначала необходимо сказать нѣсколько словъ въ поясненіе этого краткаго описанія.

Миѳообразование смѣняется миѳологіей. Это однако не предполагаетъ необходимо, что на данной ступени созданіе миѳовъ совершенно прекращается. И теперь порой возникаетъ новый миѳъ, или во всякомъ случаѣ старые миѳы измѣняются, распространяются, подраздѣляются, или примѣняются къ существамъ, совершенно отличнымъ отъ тѣхъ, къ которымъ они относились прежде; но примѣры такихъ новыхъ миѳовъ крайне рѣдки, и, какъ я сказалъ въ предыдущей лекціи, при внимательномъ изслѣдованіи они оказываются лишь новой переработкой стараго матеріала. Фантазія не занимается уже теперь

преимущественно созданиемъ міоовъ для объясненія явленій, поражающихъ человѣка или имѣющихъ отношеніе къ его благополучію—такъ какъ теперь начинаютъ открываться другія, болѣе разумныя ихъ объясненія.—а занимается больше переработкой ихъ въ поэтическіе рассказы о мірѣ боговъ, или въ чудесныя сказанія и легенды о минувшихъ временахъ, относительно которыхъ не осталось никакихъ историческихъ воспоминаній. Дѣлается также попытка истолковать ихъ согласно не съ первоначальнымъ ихъ значеніемъ, а соответственно потребностямъ и взглядамъ даннаго времени, и переработать ихъ въ теогоническую и космогоническую систему.

Далѣе, полидемонизмъ дѣлается политеизмомъ. Различіе между демономъ, духомъ и богомъ не имѣетъ абсолютнаго характера. Всѣ боги суть въ дѣйствительности духи, но не всѣ духи суть боги. Они становятся таковыми только тогда, когда пріобрѣтаютъ не только опредѣленное имя и постоянную функцію, но и специфическій характеръ, личность, которая ясно отличаетъ ихъ отъ другихъ высшихъ существъ, созданныхъ поэтической фантазіей или воплощенныхъ въ земной формѣ пластическимъ искусствомъ. Эти существа поставляются теперь во главѣ высшаго міра. Почитаніе духовъ природы и душъ умершихъ не прекращается, скорѣе даже дѣлается болѣе ревностнымъ, и обычно представляетъ эмоціональный элементъ въ холодной и формальной религіи государства. Время отъ времени создаются даже новые духи, какъ *Aius Locutius*, когда былъ слышанъ небесный голосъ, или *Argentinus*, когда введена была серебряная монета. Но они занимаютъ теперь низшій рангъ. Они подчинены міру боговъ, являются ихъ слугами, вѣстниками, помощниками, сопровождаемыми. Они составляютъ свиту, окружающую божество той области природы, къ которой они принадлежатъ, армію, съ которой богъ войны выступаетъ на битву. Души умершихъ имѣютъ своего собственнаго царя въ *Иамѣ*, или *Озирисѣ*, или *Белѣ* подземнаго міра, или *Гадесѣ*, тогда какъ лица привилегированныя соединяются съ богами свѣта, и герои, павшіе на полѣ сраженія, чествуются въ *Валгаллѣ* *Одиномъ*, или принимаются въ *Фольквангѣ* *Фрейей*.

Равнымъ образомъ и сами боги теперь распределяются въ генеалогическомъ и іерархическомъ порядкѣ. Между ними возникаетъ аристократія, представляемая обычно избраннымъ союзомъ семи, какъ у древнихъ арійцевъ, объединенныхъ еще

индо-иранцевъ, и ассиріянъ, или двѣнадцати, какъ у вавилонянъ и грековъ. Самые высшіе изъ нихъ соединяются также въ триады, какъ напр. Ану, Бель и Еа, или Синь, Шамашъ, и Рамманъ въ Вавилонѣ, подраженіемъ которыхъ у грековъ явились Зевсъ, Гадесъ и Посейдонъ. Ведійскіе боги представляютъ лучшій примѣръ такой аристократіи. Семь Адитіевъ хотя еще не забыты, но рядомъ съ ними, и отчасти даже выше ихъ, стоятъ другіе боги, и Варуна, главный изъ нихъ, хотя и носитъ имя *samrāj*, или всеправитель, повидимому не имѣетъ никакой дѣйствительной власти надъ Индрой и Агни, этими наиболѣе чтимыми божествами воиновъ и священниковъ. Только послѣ того какъ ведійское общество и религія развились до браманизма, Брама былъ поставленъ во главѣ всѣхъ боговъ и позднѣе былъ соединенъ въ триаду съ Рудрой, Сивой и Вишну, наиболѣе чтимыми національными богами. Монархическій политеизмъ скоро, однако, становится самымъ обычнымъ. Одинъ богъ господствуетъ какъ владыка надъ всѣми остальными. Это или богъ царской резиденціи и мѣстопробыванія правительства, какъ напр., Пта Мемфиса и Амунъ-Ра Ѳивъ въ Египтѣ, Марудукъ Вавилона, или Ассуръ въ Ассиріи, или общепризнанный народный богъ, подобно Зевсу Эллиновъ, или же соединяетъ въ себѣ оба эти свойства, какъ напр., *Jupiter Optimus Maximus Capitolinus*. Этотъ монархическій политеизмъ нигдѣ такъ рѣзко не выраженъ, какъ въ гомеровскомъ мірѣ боговъ. Здѣсь Зевсъ является царемъ царей, неограниченнымъ самодержцемъ. Правда, онъ не можетъ сопротивляться судьбѣ, но эта судьба въ дѣйствительности представляетъ его же собственную волю, — *Dios aisa, Dios moira*. Аполлонъ, любимый сынъ, и Аѳина, дочь, родившаяся изъ его головы, балованное дитя, которому отецъ позволяетъ все, хотя и стоятъ къ нему весьма близко, — ближе даже, чѣмъ Гера, которая порою строитъ противъ него ковы, и которая принадлежитъ въ дѣйствительности къ болѣе ранней категоріи боговъ, — тѣмъ не менѣе не раздѣляютъ съ нимъ правленія; они должны только повиноваться, и представляютъ едвали что большее, какъ только персонификаціи его откровенія и ума. Въ важныхъ случаяхъ онъ собираетъ вокругъ себя βουλή, совѣтъ боговъ; но послѣдніе являются на Олимпъ только для того, чтобы слышать его волю, и не имѣютъ никакого голоса при рѣшеніи дѣла. Кто не помнитъ извѣстнаго мѣста въ началѣ 8-й книги Иліады, гдѣ великій Олимпіецъ въ своемъ

гнѣвъ предлагасть всѣмъ богамъ и богинямъ. взяться за золотую цѣпь, которую онъ спускаетъ съ неба, и хочетъ одинъ обернуть ее вмѣстѣ съ ними вокругъ вершины Олимпа, чтобы показать имъ, что онъ одинъ владѣетъ всей властью на небѣ и на землѣ, которой не могутъ противиться ни люди, ни боги.

Такъ на мѣсто постоянно мѣняющагося круга божественныхъ существъ является твердо опредѣленный порядокъ боговъ, которые господствуютъ надъ измѣнчивымъ цѣлымъ. И эти боги дѣлаются все болѣе и болѣе челоуѣкообразными. Мы скоро увидимъ, что все это совершалось не сразу, а постепенно. Но по мѣрѣ того какъ шель впередъ этотъ процессъ гуманизации, росла въ мифологіи власть и моральнаго элемента. Если боги, хотя и превосходящіе людей могуществомъ и знаніемъ, обладающіе высшей природой и безсмертіемъ, не могли уже теперь представляться иначе, какъ въ челоуѣческой формѣ, думающими, чувствующими и дѣйствующими подобно людямъ, то невозможно было не приписать имъ и тѣхъ моральныхъ качествъ, которыя люди научились цѣнить въ своихъ собратьяхъ. Это было, однако, только несовершенное и нелогическое соединеніе натуральнаго съ этическимъ. О богахъ, бывшихъ первоначально силами природы, разсказываются исторіи, которыя не совсѣмъ согласуются съ ихъ призваніемъ какъ защитниковъ правды, истины и чистоты. Грубые, но невинные натуръ-миѣы, будучи перенесены отъ слѣпыхъ силъ природы на существа, которыя принимаются за челоуѣческіе идеалы, становятся оскорбительны для болѣе развитаго нравственнаго чувства, и нѣкоторые философы не преминули указать на это странное противорѣчіе. Вотъ почему, доколѣ продолжалось господство древнихъ боговъ, этическій элементъ не могъ одержать дѣйствительной побѣды, и религіи, которыя продолжали чтить этихъ боговъ, необходимо остались естественными религіями, хотя и близко подошли къ границамъ этическихъ.

Этотъ прогрессъ обнаруживается, равнымъ образомъ, и въ развивающемся желаніи организовать и регулировать, на ряду съ доктриной, и ритуаль, или сдѣлать его по крайней мѣрѣ болѣе однообразнымъ у одного и того же народа, и замѣнить символическими или другими дѣйствіями тѣ обряды, грубая чувственность и жестокость которыхъ начинаетъ возмущать пробудившееся нравственное чувство новаго поколѣнія. Какъ объяснить этотъ прогрессъ? Если мы просто отвѣтимъ, что

онъ былъ результатомъ общаго развитія человѣческаго рода, то отвѣтъ будетъ хотя и правиленъ, но слишкомъ неопредѣленъ, чтобы пролить какой-нибудь свѣтъ на предметъ. Совершенно вѣрно, что общія причины, которыя всегда и всюду движутъ впередъ религіозное развитіе, дѣйствовали и въ данномъ случаѣ, — именно: прогрессъ раціональнаго мышленія, который сдерживаетъ необузданную фантазію съ ея дикими полетами, прогрессъ знанія природы и человѣка, который заставляетъ людей оставлять тѣ или другія слишкомъ наивныя понятія и отодвигаетъ на болѣе далекое разстояніе границы невѣдомой страны чудесъ, населяемой духами, прогрессъ человѣческаго самосознанія, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее почитаніе низшихъ идоловъ и побуждалъ приписывать высшимъ существамъ человѣческія и прежде всего моральныя свойства. Или, употребляя обычный образъ, мы можемъ просто сказать, что человечество перешло изъ состоянія дѣтства въ возрастъ юношескій. Но непосредственная причина заключается въ великихъ соціальныхъ перемѣнахъ, въ образованіи устроенныхъ государствъ и обществъ, сознающихъ свое единство. Разносоставный міръ духовъ анимистическихъ религій, вѣчно подверженный измѣненіямъ, неупорядоченный и въ дѣйствительности анархическій, не могъ уже быть удовлетворительнымъ, когда племена, бывшія доселѣ независимыми и большею частію враждебными, соединились въ обширный и болѣе или менѣе крѣпкій союзъ, когда образовались государства съ монархической или иной формой правленія, и когда вошла въ сознаніе даже идея національнаго единства при многообразіи государственныхъ учрежденій. Теперь стала ощущаться потребность ввести порядокъ и въ сверхчеловѣческой міръ и представить его какъ небесное государство съ монархическимъ, федеративнымъ, олигархическимъ, или даже иногда демократическимъ устройствомъ, — поскольку именно, согласно нѣкоторымъ мѣтамъ, боги избираютъ себѣ и ставятъ главу, который затѣмъ властвуетъ однако какъ неограниченный диктаторъ. Кромѣ того, подробности общественнаго ритуала требуютъ теперь регулированія со стороны государства, которое захватываетъ себѣ всю власть, т. е. сначала со стороны государя. Онъ, первосвященникъ общества, подобно главѣ семейства въ своемъ собственномъ домѣ, вскорѣ затѣмъ передавалъ свои религіозныя функціи нѣкоторымъ изъ своихъ слугъ, которые въ силу этого облекались извѣстнымъ духовнымъ авторитетомъ

и относились съ нетерпѣніемъ ко всякому вмѣшательству со стороны непосвященныхъ. Такъ возникало вмѣстѣ съ тѣмъ изъ безчисленныхъ традицій семей и племенъ, съ которыми естественно обращались нѣсколько произвольно, преданіе болѣе обширнаго общества, которое запечатлѣвалось въ пѣсняхъ и сказаніяхъ народныхъ поэтовъ, охранялось, систематизировалось, преподавалось священниками и учеными, и использовалось правителями въ цѣляхъ поддержанія и оправданія ихъ авторитета. Весь миологическій періодъ организованнаго политеизма въ религіозной сферѣ, — равно какъ можетъ быть и въ другихъ, — находится подъ господствомъ *преданія*.

Переходъ къ этому періоду отъ предшествующаго совершался весьма постепенно. Нѣкоторыя изъ религій, явно принадлежащихъ къ болѣе ранней ступени развитія, обнаруживаютъ склонность подняться надъ уродливыми представленіями и варварскими учрежденіями анимизма. Такъ о мексиканскомъ князѣ Тецкуко, Нетцалкуатль, сообщается, что онъ построилъ храмъ въ девять ярусовъ богу боговъ, первопринципъ всего, обитающему выше девятаго неба, храмъ, въ которомъ не допускалось ни изображеній, ни кровавыхъ жертвъ, столь обычныхъ въ Мексикѣ. Такъ равнымъ образомъ мы имѣемъ извѣстіе о Тупакъ Юпанкви, перувіанскомъ инкѣ, воздвигшемъ храмъ для бога, въ которомъ онъ соединилъ воедино трехъ высшихъ духовъ своей монархіи (Илатици-Виранкоша-Пашакамакъ), на томъ основаніи, что онъ не могъ признать главнаго національнаго бога, Солнце, истинно высшимъ, а смотрѣлъ на него какъ только на слугу, такъ какъ иначе оно не стало бы добровольно каждый день совершать одинъ и тотъ же путь. Но народы, которыми они правили, оказались не болѣе созрѣвшими для такихъ реформъ, чѣмъ и подданные императора Іосифа II для его преобразованій; а затѣмъ здѣсь вскорѣ явились испанцы, которые съ помощью огня и меча, бульдоговъ и инквизиціи, обратили мексиканцевъ и перувіанцевъ въ христіанство (своего рода), которое положило конецъ всѣмъ высшимъ и низшимъ натуралистическимъ спекуляціямъ.

Но что еще болѣе, чѣмъ эти спорадическія обнаруженія высшихъ потребностей, облегчало переходъ отъ полидемонизма къ организованному политеизму, это тотъ фактъ, что въ наиболѣе развитыхъ анимистическихъ религіяхъ духи были уже приведены въ порядокъ. Формой или образцомъ этого распорядка является семейство, — потому что отъ перваго указаннаго періода

происходить нѣсколько семействъ боговъ, въ которыхъ всѣмъ главнымъ духамъ опредѣляются мѣста въ качествѣ дѣтей и дальнѣйшихъ потомковъ одной брачной четы. Эта чета состоитъ обычно изъ бога Неба и богини Земли, хотя иногда небо разсматривается какъ женское начало, а земля какъ мужское, какъ на примѣрѣ, въ Египтѣ, гдѣ богъ земли Себъ состоитъ въ бракѣ съ богиней неба Нуть. Мы не должны однако придавать слишкомъ идеальнаго значенія этому отечеству высшаго бога, или смотрѣть на него какъ на слабый лучъ евангельской идеи «усыновленія» (*υιοθεσία*) и божественнаго сыновства. Такое пониманіе исключается мионическимъ представленіемъ о бракѣ двухъ высшихъ боговъ. Это просто суть главы семейства происходящихъ отъ нихъ главныхъ духовъ; и если даже люди, разумѣется члены только того же самаго народа, считаются—по крайней мѣрѣ посредственно—происшедшими отъ нихъ, то данному факту мы еще не можемъ придавать какого-нибудь высшаго этическаго значенія. Наряду съ этой мионической четой часто встрѣчается въ качествѣ единственной главы міра духовъ богиня—мать или бабка. Можетъ быть, эта идея даже предшествовала первой. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она возникла изъ матриархата, т. е. такой соціальной системы, при которой женщина является единственной главой дома. Обѣ идеи перешли въ политеистическія системы, въ которыхъ семейство боговъ образуетъ уже организованное государство. Какъ на примѣрѣ въ одномъ случаѣ я укажу только на египетскую Гаторъ и столь широко распространенную въ Западной Азій Истаръ или Астарту, которая какъ великая *Mater Deorum* была даже принесена изъ Малой Азій въ Римъ, и съ которой Арголійская Гера, Ефесская Артемида, великая Деметра, и другія греческія и полугреческія богини обнаруживаютъ большое сродство. Въ качествѣ примѣровъ второго рода могутъ быть названы египетскій Себъ, богъ земли, и Нуть, величайшая богиня, которые были замѣнены Ра и Озирисомъ, царями боговъ, или ведійскіе *Dyaus-pitar* и *Prthivimatar*, совершенно отъсненны на задній планъ царями Варуной и Индрой; и между тѣмъ какъ Зевсъ, отецъ боговъ и людей, самъ возвысился до царской власти, нѣсколько блѣдныя и мало персонифицированныя Уранось и Гайя, Небо и Земля сами становятся его прародителями, варварскіе боги Кронось и Рея, принадлежащіе къ иному кругу боговъ, его родителями, и вмѣсто своей собственной супруги Діоны онъ

получаетъ въ жены мать-богиню Геру. Не удивительно, что его союзъ съ этой своенравной Деспиной, привыкшей доселѣ властвовать неограниченно, не всегда былъ, какъ уже замѣчено, особенно миренъ.

Особенно яркій примѣръ весьма постепеннаго перехода отъ этихъ семействъ боговъ къ божественнымъ государствамъ организованнаго политеизма представляютъ религіи урало-алтайскихъ народовъ, особенно религія финновъ, которая подъ скандинаво-германскимъ вліяніемъ достигла высшей ступени развитія, чѣмъ всѣ другія. Мы можемъ назвать эти религіи патриархальными. Боги обычно называются отцомъ и матерью, дѣдомъ и бабушкой, и въ качествѣ особеннаго почета получаютъ титулъ, который на природномъ языкѣ значитъ «стармы» т. е. мудрые и почтенные. Финскій Пантеонъ дѣйствительно представляетъ племенной или семейный союзъ, стоящій подъ властью болѣе или менѣе могущественныхъ главъ, но безъ малѣйшаго іерархическаго порядка. Они стоятъ рядомъ, независимо другъ отъ друга, и каждый имѣетъ свою собственную область, надъ которой другіе не имѣютъ никакой власти. Смотря по тому, чего желаетъ вѣрующій, или въ чемъ ему требуется помощь, онъ призываетъ бога земли, моря, или лѣса; и только когда отчаивается въ помощи отъ того божества, отъ котораго она больше всего ожидалась, онъ обращается къ Укко, богу небесъ, какъ самому могущественному, который можетъ помочь, когда всѣ другіе оказываются безсильны:

„Укко, о ты, богъ небесный!

Укко, прійди, тебя призываютъ!

Укко, прійди, ты намъ весьма нуженъ!“

Это призываніе встрѣчается часто въ Калевалахъ, эпическихъ поемахъ финновъ. Религіи урало-алтайцевъ дѣйствительно стоятъ еще на анимистической ступени развитія; ихъ боги суть въ дѣйствительности ничто иное, какъ духи-волшебники, и дѣйствуютъ чарами. Но они стоятъ на границахъ политеизма, границахъ, которыя кое-гдѣ переступили одни только финны благодаря своему общенію съ сосѣдними германскими народами.

Съ другой стороны къ этой границѣ ближе всего стоятъ религіи, которыя должны быть отнесены къ числу унорядоченныхъ политеистическихъ, поскольку онѣ, хотя и сильно окрашены анимизмомъ, не стоятъ уже подъ его господствомъ. Къ

этому классу принадлежит вѣроятно древняя религія китайской имперіи, равно какъ религія «Сумерійцевъ», древнихъ обитателей Вавилоніи, многія черты которой перешли въ семитическо-вавилонскую. Но объ этихъ религіяхъ мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы говорить что-нибудь съ опредѣленностью. Къ тому же самому классу принадлежитъ большинство древнихъ культовъ западной Азіи съ ихъ непристойными и варварскими обрядами и съ ихъ почитаніемъ деревъ и камней, первобытная эллинская и первобытная латинская религіи, и наконецъ—какъ ни высоко развитая въ остальномъ—египетская религія съ ея безкопечной магіей и мистицизмомъ, ея безчисленными амулетами и фетишами, ея почитаніемъ животныхъ и душъ умершихъ, которое нигдѣ еще въ цивилизованномъ мірѣ (за исключеніемъ въ послѣднемъ отношеніи китайцевъ) не стояло такъ высоко и выработано было съ такою подробностью.

Въ періодъ упорядоченнаго политеизма также можно ясно различать двѣ ступени развитія—теріантропическую и антропическую или полу-этическую. Теріантропическими—отъ *therion*, животное, и *anthropos*, человѣкъ—называются тѣ религіи, въ которыхъ одинъ и тотъ же богъ мыслится въ одно время какъ человѣкъ, въ другое какъ животное, по большей же части представляется въ полу-животной, полу-человѣческой формѣ, или какъ человѣкъ съ головой животного, или какъ животное съ человѣческой головою. Перваго рода изображеніе господствуетъ въ Египтѣ, послѣдняго—въ западной Азіи, хотя я не безъ исключеній. Между животными есть и дѣйствительныя, и миѳическія; иногда встрѣчаются и весьма сложныя чудовища. Живыя животныя могутъ быть представителями боговъ на землѣ, залогомъ ихъ присутствія, ихъ воплощеніемъ, но въ такомъ случаѣ они должны быть самыми особенными представителями своего рода, отличающимися извѣстными признаками, и по мнѣнію своихъ почитателей, родиться сверхъестественнымъ образомъ. Такъ каждый изъ главныхъ боговъ Египта имѣлъ въ своемъ святилищѣ, равно какъ и внѣ его, свое священное животное, которое почиталось какъ самъ богъ. Оскорбить или убить такое животное было верхомъ святотатства. Когда священный быкъ Гапи въ Мемфисѣ былъ раненъ Камбизомъ и на слѣдующій день померъ, этого преступленія было достаточно, чтобы побудить египтянъ, давно уже томившихся подъ чужеземнымъ ярмомъ и потерявшихъ всякую энергію, возстать противъ персидскаго владычества; и Дарій, его пре-

емникъ, который возстановилъ это владычество, дѣйствовалъ съ великой политической мудростью, добывъ съ большими издержками и подаривъ египтянамъ новаго Гани, чтобы замѣнить умершаго во время его правленія. Въ храмахъ Западной Азіи также держались такія животныя; но здѣсь преобладали изображенія боговъ въ видѣ животныхъ, причемъ имѣли или всецѣло форму животнаго, какъ напр. быки Ваала или Ягве въ Данѣ и Веолѣ, или смѣшанную форму животнаго и человѣка, подобно Дагону Ашдода и Газы. Было бы ошибкой разсматривать это почитаніе животныхъ какъ простой лишь символизмъ. Отчасти оно было пережиткомъ отъ древняго періода, но настолько измѣненнымъ, что каждое животное соединено было съ однимъ главнымъ богомъ, который почитался въ немъ, и что—далѣе—человѣчeskій образъ былъ комбинированъ съ опредѣленной головой животнаго, или тѣло животнаго съ опредѣленной человѣческой головой. Человѣческое самосознаніе было теперь пробуждено, но не достигло еще полнаго господства. Какъ ни странно кажутся намъ эти формы, но такимъ соединеніемъ съ низшими животными предполагалось не упизить боговъ, а скорѣе отличить ихъ отъ людей и указать на ихъ превосходство. Этими таинственными чертами, заимствованными изъ животной жизни, первобытный мистицизмъ полубезсознательно стремился выразить сверхчеловѣческую силу божества. Люди дѣйствительно боялись, какъ опредѣленно сообщаетъ греческій историкъ о финикіянахъ, представлять своихъ боговъ въ совершенно человѣческой формѣ, чтобы не поставить ихъ чрезъ это на одинъ уровень съ ихъ почитателями.

Здѣсь лежитъ и причина того, почему этическихъ идеи, которыя все болѣе и болѣе выступали предъ сознаніемъ, не могли еще быть приняты въ ученіе о богахъ. Нравственность была, правда, соединена съ религіей. Моральные трактаты, которые встрѣчаются въ Египтѣ въ самый отдаленный періодъ, обращаются къ божеству, чтобы придать болъшую силу содержащимся въ нихъ предписаніямъ. Равнымъ образомъ въ Вавилонѣ, прежде чѣмъ религія достигла здѣсь своего высшаго развитія, человѣкъ чувствовалъ свою виновность предъ Богомъ, когда нарушалъ нравственный законъ. Даже въ религіяхъ теріантропической фазы боги являются защитниками правды и закона, и люди должны отвѣчать предъ ними за свои поступки. Но этический элементъ здѣсь просто лишь поставленъ подлѣ религіознаго, а не связанъ съ нимъ внутренно. Иначе не

могло и быть, поскольку онъ разсматривался еще какъ гетерономный, какъ законъ, возложенный на людей произвольно. Боги, правда, требуютъ исполненія этого закона, потому что имъ должно повиноваться; но они могутъ, кого хотятъ, освободить отъ него, равно какъ и сами не связаны имъ. Онъ служить лишь дисциплинарнымъ средствомъ для человѣка, а сами они стоятъ выше всѣхъ такихъ стѣсненій. Кромѣ того, въ отношеніи человѣка къ нимъ не примѣнимы тѣ правила, которыя должны наблюдаться въ его обращеніи съ собратьями. Они наказываютъ убійство и распутство; однако имъ приносятся въ жертву люди, и особенно дѣти, равно какъ совершаются въ честь ихъ обряды, которые, безъ санкціи религіознаго преданія, уже и тогда были бы осуждены какъ непристойные и варварскіе. Это называютъ, и справедливо, религіозными пережитками; этихъ пережитковъ, однако, не могло бы сохраниться, если бы люди не были искренно убѣждены, что божество стоитъ выше закона, что оно можетъ требовать отъ своихъ почитателей всего, поскольку въ дѣйствительности все ему принадлежитъ, и что для умилостивленія его, они безъ всякихъ колебаній должны жертвовать ему самыми дорогими для нихъ вещами—жизнью своихъ дѣтей и чистотой своихъ дочерей. Даже въ Израилѣ, который вступилъ уже въ болѣе высокую фазу развитія, нравственная ревность пророковъ оказывалась безсильной, безъ содѣйствія въ извѣстныхъ случаяхъ царей, положить конецъ тѣмъ кровавымъ жертвоприношеніямъ дѣтей, которыя господствовали до времени великаго очищенія, совершеннаго плѣномъ.

Но даже политеистическія религіи не всѣ остановились на этомъ уровнѣ развитія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ человѣчeskій элементъ получаетъ преобладаніе надъ животнымъ, хотя такое первенство его достигается только постепенно. Смѣшанныя животныя и человѣчeskія формы боговъ нисходятъ въ низшій классъ слугъ и подчиненныхъ духовъ, а иногда въ рядъ страшныхъ чудовищъ. Самыя животныя ставятся теперь рядомъ съ богами, — которые теперь представляются въ чисто человѣчeskомъ видѣ, хотя и обладающими сверхчеловѣческой силой и мудростью, — какъ ихъ спутники, вѣстники и символы. Для варварскихъ обрядовъ ищутъ теперь какой-нибудь подмѣны. Борьба между свѣтомъ и тьмою, жизнью и смертью, весной и зимой, плодородіемъ и засухой, служившая предметомъ древнихъ мифовъ, превращается теперь въ побѣдоносную борьбу

боговъ, представляющихся въ видѣ идеальныхъ безсмертныхъ людей, съ разрушительными силами природы, причемъ эти послѣднія, представляемая въ видѣ гигантовъ, драконовъ и чудовищъ, если не разрываются на куски подобно Тіаматъ, матери природы, Марудукомъ, воздемъ боговъ, какъ въ вавилонской космогоніи, то по крайней мѣрѣ сковываются въ цѣпи и ввергаются въ Тартаръ, какъ Титаны и Гиганты Зевсомъ. И нужно замѣтить, что не простое лишь физическое превосходство даетъ богамъ возможность одержать побѣду. Когда Тіаматъ готовится защищать свое единовластіе противъ возрастающей силы юныхъ боговъ и совершенно уничтожить ихъ, то самые высшіе изъ нихъ отказываются вступить въ борьбу съ нею, и даже храбрый Марудукъ, который отваживается стать во главѣ небснаго войска, одинъ моментъ робѣетъ отъ ужаса, когда сталкивается лицомъ къ лицу съ чудовищемъ въ сопровожденіи змѣй, скорпионовъ, птицелюдей и ревущихъ бурь. Турсы и Ютуны, гиганты скандинавской міѳологіи, дѣйствительно физически сильнѣе, чѣмъ Асы и Ваны, и кромѣ того искусные чародѣи. Когда Асы выступаютъ на состязаніе съ ними въ ѣдѣ и питьѣ, то терпятъ полное пораженіе. Только Торъ, хотя они и смѣются надъ его маленькой фигурой, заставляетъ ихъ почувствовать къ нему извѣстное уваженіе, представивъ имъ доказательства своей мускульной силы и аппетита, хотя и ему не удалось выпить всего океана и вытащить изъ моря Мидгардскую змѣю, которая обвиваетъ міръ. Однако въ концѣ концовъ болѣе слабыя и малыя существа остаются побѣдителями, благодаря своему благоразумію и дѣйствию сообща, благодаря извѣстному превосходству духа, которое можно скорѣе чувствовать, чѣмъ видѣть или выразить. Въ этихъ міѳахъ впервые обнаруживается пробудившееся, но еще нѣсколько смутное, сознаніе превосходства человѣческаго духа надъ природой.

Съ этимъ сознаниемъ необходимо связано, и въ дѣйствительности уже содержится въ немъ, чувство моральнаго превосходства, изъ котораго исходитъ этическое движеніе, все болѣе и болѣе возрастающее въ силѣ и значеніи. Что этический элементъ теперь все сильнѣе и сильнѣе заявляетъ себя въ религіи, это обнаруживается различнымъ образомъ.

Прежде всего это обнаруживается въ томъ фактѣ, что теперь осмѣливаются критиковать и отвергать тѣ или другія дѣйствія боговъ, которыя приписывались имъ міѳами. Это

можно встрѣтить уже въ самый ранній періодъ. Позвольте мнѣ привести нѣсколько примѣровъ. Въ замѣчательномъ разсказѣ вавилонянъ о потопѣ, который составляетъ одиннадцатую книгу ихъ эпоса, великій Бель подземнаго міра, сообразно мрачному характеру, который приписывается ему вавилонской теологіей, исполняетъ приговоръ, постановленный богами. Все человѣчество должно быть истреблено. Но другой главный богъ, добрый творецъ, имя котораго на древнемъ языкѣ обычно пишется Ёа, и который можетъ быть тождественъ съ ассирійскимъ Салманомъ, спасителемъ, предупредилъ одного изъ своихъ любимцевъ, благочестиваго почитателя, объ угрожающемъ бѣдствіи, такъ что послѣдній со всѣмъ своимъ родомъ укрывается въ большомъ крытомъ кораблѣ, и такимъ образомъ сохраняетъ сѣмя для новаго человѣчества. Старый Бель приходитъ въ ярость, когда узнаетъ объ этомъ. Его даже не приглашаютъ къ жертвѣ, которую спасенные приносятъ богамъ по выходѣ изъ корабля, который остановился на горѣ Низиръ. Богъ-Солнце, который видитъ все, открываетъ ему, какъ онъ былъ обманутъ. Пылая гнѣвомъ, онъ рѣшается призвать Ёа къ отвѣту за его поступокъ, нарушившій божественное рѣшеніе, на которое онъ самъ далъ свое согласіе. Ёа начинаетъ отвѣтъ уклончиво, но скоро самъ переходитъ въ наступленіе. Не онъ, а самъ Бель дѣйствовалъ неизвинительно. Приговоръ, осуждавшій одинаково и добраго и злого, благочестиваго и пестиваго, былъ несправедливъ. И неужели онъ хочетъ еще истребить и остатокъ человѣчества? Это было бы верхомъ несправедливости. Не имѣлъ ли онъ въ своемъ распоряженіи всякаго рода средствъ—чумы, голода, войны, дикихъ звѣрей—чтобы наказать грѣшниковъ, но пощадить праведниковъ? Бель соглашается съ этими доводами, самъ руководитъ далѣе спасенными и даруетъ имъ прощеніе. Такимъ образомъ чувство справедливости, возмущавшееся противъ такого наказанія всѣхъ безъ разбора, было удовлетворено. Въ другой книгѣ того же эпоса, Истаръ, богиня Урука, предлагаетъ свою руку герою, который за освобожденіе своего народа отъ ига Еламитянъ получилъ царскую корону. Но тотъ отказывается отъ такой чести и притомъ довольно грубымъ образомъ. Истаръ принадлежитъ къ матриархальнымъ богинямъ, которыя сами выбираютъ себѣ мужей и держатъ ихъ только пока они имъ нравятся. И вотъ ея новый избранникъ осмѣиваетъ ее упреками за жестокое обращеніе, которому она подвергала прежнихъ своихъ лю-

бимцевъ. — участь, которой самъ онъ подвергать себя не жа-
 лаетъ. Само собою понятно, что надменный герой платится за
 свою дерзость. Поэтъ не могъ представить дѣло иначе. Боже-
 ство, каково бы оно ни было, не можетъ быть оскорбляемо
 безнаказанно, и Истарь удержала свое мѣсто въ ассирійскомъ
 и вавилонскомъ культѣ до самаго конца. Но непочтительная
 рѣчь, вложенная поэмой въ уста героя, даетъ выходъ чувству
 моральнаго отвращенія къ тѣмъ жестокостямъ, которыя въ бо-
 лѣе ранній періодъ, какъ мифическіе атрибуты явленій при-
 роды, нисколько не казались оскорбительными, но теперь,
 когда были приписаны личному божеству, по меньшей мѣрѣ
 вызывали удивленіе. Замѣчательно, что въ Эддѣ ¹⁾ тѣ же са-
 мые упреки обращаются противъ скандинавской Истарь, и
 даже противъ всѣхъ главныхъ Асъ, но на этотъ разъ не ге-
 роємъ или полубогомъ, а Локи, *enfant terrible* мь боговъ, ко-
 торый, однако, точно также жестоко наказывается за свою дер-
 зость. Древній вавилонскій примѣръ показываетъ, что нѣтъ не-
 премѣнной необходимости приписывать такое презрительное
 обхожденіе съ богами вліянію христіанства, каковымъ нѣкото-
 рые ученые въ настоящее время склонны объяснять значи-
 тельную часть скандинавской мифологіи. Подобные случаи мо-
 гутъ также хорошо встрѣчаться и въ естественной религіи
 высшей ступени развитія. Точно также намъ нѣтъ нужды
 объяснять вліяніемъ христіанскихъ идей и печальную судьбу
 только что упомянутаго бога Локи. Это приводитъ насъ къ
 другому и болѣе сильному обнаруженію моральнаго чувства
 въ религіяхъ даннаго періода.

Я только что замѣтилъ, что Истарь, несмотря на худую
 роль, которую она играетъ въ эпосѣ, удержала до конца свое
 мѣсто въ вавилонскомъ и ассирійскомъ культѣ. То же самое
 можно сказать о Белѣ подземнаго міра. Точно также почита-
 ніе олимпійскихъ боговъ нисколько не пострадало отъ того
 факта, что поэты Иліады и Одиссеи, которыя читались всѣми
 греками, съ извѣстнымъ удовольствіемъ описывали ихъ капризы,
 ссоры, интриги и слабости. Равнымъ образомъ культъ Гефеста
 и Ареса, и меньше всего—Афродиты, нисколько не потерпѣли
 отъ того факта, что Демодокъ, въ Одиссеѣ, представляетъ ко-

¹⁾ Религіозный памятникъ древне-скандинавскихъ племенъ герман-
 скаго происхожденія, содержащій два сборника сагъ одревне-сѣверныхъ
 богамъ и героямъ.
Прим. перев.

мическую картину преступленія боговъ войны и любви и мести оскорбленнаго супруга, который въ другомъ случаѣ, когда прихрамывая обходилъ Олимпійцевъ въ качествѣ ихъ виночерпія, заставилъ ихъ разразиться неуправляемымъ смѣхомъ. Однако такой результатъ былъ не всегда. Нѣкоторые изъ боговъ лишились своей чести и величія. Гадесъ, мрачный богъ подземнаго міра, хотя еще и почитался, но не болѣе, чѣмъ это было безусловно необходимо, и когда проходили мимо его храма, то отворачивали лицо. Германскій Локи, нѣкогда бывшій однимъ изъ трехъ высшихъ боговъ, который сопровождалъ верховнаго бога Одина во всѣхъ его походахъ, вѣчный проказникъ, приводящій иногда своими продѣлками мѣръ Асъ на самый край гибели, но въ послѣдній моментъ умѣющій спасти ихъ, становится злымъ духомъ, котораго всѣ боялись и осуждали за его злодѣйство на вѣчную муку. То же самое случилось много раньше уже съ египетскимъ богомъ Сетомъ. Какъ ни отвратительна роль, которую онъ—богъ смерти—занималъ въ миѣ Озириса,—одномъ изъ двухъ главныхъ миѣовъ египетской религіи, въ которомъ онъ фигурируетъ какъ убійца своего брата,—тѣмъ не менѣе въ теченіе многихъ столѣтій онъ почитался не меньше, чѣмъ и его братъ, и нѣкоторые цари девятнадцатой династіи любили даже называться его именемъ и изображать его какъ бога, который «училъ ихъ руки войнѣ». Но вскорѣ затѣмъ Сеть сдѣлался уже страшнымъ демономъ, имя котораго выскабливали съ памятниковъ, а изображеніе старались измѣнить въ образъ какого-нибудь другого бога. Наконецъ, что совершенно было у иранскихъ народовъ великой реформой,—именно, что Девы, бывшіе нѣкогда существами, которыя почитались какъ небесные боги свѣта, были изгнаны въ царство тьмы какъ духи лжи, дьяволы, — то случилось въ Индіи съ Азурами. Въ Ведахъ имя Азура является высшимъ титуломъ главныхъ боговъ, и въ формѣ Агура осталось названіемъ единаго верховнаго бога въ системѣ Заратустры. Но уже въ ведійскій періодъ это слово часто примѣняется къ извѣстнымъ злымъ духамъ-волшебникамъ, а въ послѣдствіи Азуры становятся хитрыми и опасными врагами Девовъ, которые являются уже предметомъ не почитанія, а отвращенія.

Однако, такое очищеніе міра боговъ и такая случайная критика ихъ дѣйствій были не въ состояніи удовлетворить возрастающія требованія нравственнаго чувства. Стараясь идти на встрѣчу этимъ требованіямъ, пытаются теперь дать натурь-

миоамъ этическое значеніе, или даже измѣнить ихъ сообразно этическимъ принципамъ. Попытка перваго рода была сдѣлана весьма уже рано, какъ показываютъ, между многими другими, миѳы о Гераклѣ и Прометѣѣ. Оба они весьма древніе боги, хотя одинъ изъ нихъ спустился до ранга героевъ или такъ называемыхъ полубоговъ; другой былъ причисленъ къ Титанамъ. Тѣмъ не менѣе оба они, и особенно Гераклъ, обычно почитались въ качествѣ боговъ, и какъ величайшіе благодѣтели человѣческаго рода, пользовались даже большей любовью, чѣмъ многіе другіе боги. Миѳъ о Гераклѣ одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ въ богатой греческой миѳологіи. Чтобы разобрать его, потребовался бы цѣлый рядъ чтеній; и даже краткій обзоръ отнять бы у насъ слишкомъ много времени. Поэтому я ограничусь только главными пунктами, сообщая при этомъ лишь то, что представляется общепризнаннымъ. Гераклъ обычно считается древнимъ богомъ Солнца, или героемъ солнца, служащимъ добровольно или неволью, котораго, какъ и Іо, печально блуждающую богино луны, ненавидитъ и преслѣдуетъ Гера, ревнивая царица неба; но послѣ жизни непрерывной борьбы и страданія, трудовъ и униженія, подъятыхъ на благо человѣчества, онъ принимается въ кругъ Олимпійцевъ богомъ неба Зевсомъ, какъ самый возлюбленный изъ его сыновей. Таковъ безъ сомнѣнія рассказъ о Гераклѣ согласно классической миѳологіи; но я думаю, что онъ получилъ свою форму подъ вліяніемъ извѣстныхъ восточныхъ боговъ и ихъ миѳовъ. Первоначальный эллинскій богъ имѣлъ иной характеръ, представляя болѣе близкое сходство съ германскимъ богомъ грома—Торъ-Донаромъ. Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на этомъ подробнѣе. Всѣми признается, что древніе туземные миѳы о Гераклѣ отличались варварскою грубостью. Божественный герой выступаетъ обычно въ качествѣ борца и кулачнаго бойца, и потому является покровителемъ атлетовъ и основателемъ олимпійскихъ игръ. Его любимымъ оружіемъ служить дубина. Онъ настоящій Іотунъ или Турса, какъ ѣдокъ и питокъ превосходящій даже Кентавровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій Берсеркеръ, въ припадкѣ своего гнѣва уничтожающій все и даже убивающій своихъ собственныхъ дѣтей. Какъ богъ плодородія, онъ является особеннымъ покровителемъ земледѣльцевъ, виноградарей, владѣльцевъ стадъ, представляя и въ данномъ случаѣ сходство съ Торомъ. О его непомѣрной физической силѣ и огромной энергіи рассказываются крайне невѣ-

роятныя исторіи. Словомъ, онъ является идеаломъ тѣлесной крѣпости и гигантской силы, идеаломъ молодого полуцивилизованнаго народа, на котораго послѣдній смотрѣлъ какъ на отвратителя несчастій (Алексикакосъ) и побѣдителя (Калишикосъ) всѣхъ чудовищъ и враждебныхъ существъ, представляющихъ воплощеніе страшныхъ силъ природы. Что же сдѣлали изъ этого грубаго бойца религіозныя нужды позднѣйшихъ поколѣній, когда нравы смягчились и болѣе высокая цивилизація требовала другихъ идеаловъ? Что сдѣлали изъ него этическихъ спекуляцій философовъ и богослововъ, въ особенности послѣ того, какъ его личность и его мнѣе обогатились подъ вліяніемъ иноземныхъ элементовъ? Богословы стали учить, что онъ долженъ былъ потерпѣть все это и совершить всѣ свои трудные подвиги, чтобы искупить свою тяжкую вину, и что онъ могъ быть принятъ въ кругъ боговъ не раньше, чѣмъ побѣдоносно преодолѣлъ всѣ искушенія. Философы сдѣлали изъ него благороднаго страдальца, который добровольно, изъ любви къ человѣчеству, принялъ на себя тяжкое бремя, и когда юношей стоялъ на распутіи, гдѣ Добродѣтель приглашала его послѣдовать за ней, и Удовольствіе обольщало его, не колеблясь избралъ первый путь: нравственный идеаль циниковъ и стоиковъ, во имя котораго основано было широко распространенное общество учениковъ. Равнымъ образомъ и скульпторы, оставаясь вѣрными его древнему типу какъ мощнаго бойца, оюясаннаго львиной шкурой и опирающагося на свою дубину, придали его чертамъ выраженіе глубокой печали, характеризующее страждущаго героя.

Мнѣе о Прометѣеъ представляетъ очевидно также древній натурь-мнѣе, мнѣе о похищеніи огня, общій всѣмъ арійскимъ, равно какъ можетъ быть и другимъ народамъ, причемъ самъ онъ является богомъ домашняго очага и жертвеннаго огня и тѣсно связанъ съ Гефестомъ, великимъ богомъ огня ремесель. и съ молніеносной богиней Аѳиной, рожденной изъ главы Зевса. Мнѣологи смотрѣли на него сначала неблагосклонно. Онъ представляется какъ дерзкій грабитель, хитрый плутъ (*ἀρχολομήτης*), который вѣчно пытается обмануть великаго бога Зевса, вѣчно въ своемъ самолюбіи противится ему, и даже старается сравняться съ нимъ. Согласно Гезіоду, онъ не оказывать даже и благодѣянія человѣчеству своимъ роковымъ даромъ, и потому справедливо заслуживаетъ лишь того, что приковывается къ столбу, гдѣ орелъ пожираетъ его печень, которая

вырастает заново каждую почву, и терпит эти невыносимыя мученія, пока Гераклу не удастся добыть ему прощенія и освободить его. Но Эсхиль представляет дѣло совершенно иначе. Онъ изображаетъ Прометея какъ одного изъ благодѣтелей человѣческаго рода, которому люди обязаны своимъ господствомъ надъ природой и благами высшей культуры. Хотя поэтъ искренно вѣрующій человѣкъ, который смотритъ на Зевса не только какъ на величайшаго и могущественнѣйшаго бога, но и какъ на мудраго правителя, но онъ относится съ полной симпатіей къ смѣлому Титану, который изъ самоотверженной любви къ человѣчеству рѣшается противостать верховному владыкѣ, и съ любовію изображаетъ его какъ образецъ благородства и высоты характера. Ужасныя страданія, на которыя осуждается онъ, являются скорѣе трагической судьбой того, кто дерзнулъ ради спасенія другихъ мѣряться съ высшей силой, чѣмъ заслуженнымъ наказаніемъ для преступника; и закованный въ цѣпи герой утѣшаетъ себя мыслью, что и господство Зевса будетъ нѣкогда имѣть конецъ. Мы можемъ удивляться, что поэтъ не замѣтилъ несоотвѣтствія между своимъ симпатическимъ изображеніемъ мятежнаго Титана и вѣрой въ благость и справедливость отца боговъ и людей; но мы не можемъ отрицать того, что въ своемъ дивномъ созданіи онъ обнаруживаетъ благородное человѣческое самосознаніе и чистое и высокое нравственное чувство.

Однако поэты не ограничились этимъ приписаніемъ нравственнаго значенія натуръ-миѳамъ, и дѣлаютъ еще шагъ впередъ. Они дозволяютъ себѣ большую свободу въ обращеніи съ миѳами и видоизмѣняютъ ихъ согласно съ своимъ нравственными принципами. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ это по своему. Пиндаръ замалчиваетъ предосудительныя черты миѳовъ, или старается спасти честь боговъ посредствомъ рационалистическихъ объясненій. Онъ не хочетъ вѣрить миѳу, что Танталъ отдалъ сына своего на съѣденіе богамъ, и чтобы хоть одинъ изъ нихъ принималъ въ этомъ участіе; это Посейдонъ похитилъ юношу и сложилъ вину на отца. Иногда онъ совершенно отвергаетъ преданіе, чтобы только не допустить, что боги ссорились другъ съ другомъ. Эсхиль, какъ мы видѣли, вводитъ своихъ слушателей въ самое сердце миѳа, раскрываетъ имъ нравственное его значеніе, и насколько только возможно соглашаетъ его съ потребностями своего времени. Софокль, самый нравственный изъ трехъ (ἠθικώτατος), остается болѣе вѣренъ формѣ миѳовъ,

но гуманизируетъ ихъ. Его герои болѣе человѣчны, чѣмъ у Эсхила, и готовы скорѣе добровольнымъ страданіемъ искупать свою вину, которую они навлекли на себя по невѣдѣнію, подобно Эдипу, или вину другихъ, подобно Антигонѣ, чѣмъ нарушить вѣчные и неизмѣнные, хотя и неписанные, законы Зевса, которыхъ никто не можетъ преступать изъ послушанія людямъ. Еврипидъ,—котораго несправедливо унижаютъ повѣйшіе нѣмецкіе критики, но котораго защищаютъ Mahaffy, Symonds и Robert Browning,—какъ драматургъ могъ стоять ниже двухъ другихъ великихъ трагиковъ; но онъ превосходилъ ихъ какъ философъ-мыслитель. У него мы не находимъ спокойной гармоніи Софокла, а видимъ раздоръ, постоянную борьбу съ сомнѣніями, которыя онъ не всегда можетъ разрѣшить. Между его мыслью и его искусствомъ,—трагедія имѣла религіозный характеръ и потому обязательно должна была сообразоваться съ народной вѣрой,—была пропасть, которой онъ не могъ перейти и отъ которой въ страхъ отступалъ. Слишкомъ просвѣщенный, чтобы успокоиться на преданіи, онъ былъ и слишкомъ религіозенъ, чтобы удовлетвориться однимъ его отрицаніемъ, и иногда религіозное чувство одерживаетъ верхъ надъ нимъ, какъ напр., когда онъ изображаетъ судьбу Пентея, который долженъ былъ погибнуть за то, что, не взирая на божественныя знаменія, отказался почитать Діониса. Примѣръ Еврипида показываетъ лучше, чѣмъ всякій другой, какъ болѣе просвѣщенные люди,—не вполнѣ, можетъ быть, сознавая это,—выросли выше почитанія боговъ природы, и какъ они пытались сообразовать его съ своими философскими и этическими убѣжденіями, хотя и не имѣли въ этомъ полного успѣха.

Но они не могли идти такъ далеко, какъ философы. Когда послѣдніе говорили о богѣ, величайшемъ между богами и людьми, который не похожъ на смертныхъ ни по виду, ни по духу, то такая доктрина не могла быть ни допущена оффиціальными представителями религіи, ни принята вѣрующими въ родѣ Пиндара. По нему, люди хотя и безконечно ниже боговъ, находятся во власти судьбы и не знаютъ своего будущаго, тѣмъ не менѣе «одинъ родъ людей и одинъ боговъ, и отъ единой матери мы оба получаемъ дыханіе». Возвышенные надъ старостью, болѣзнями и смертью, блаженные и всемогущіе, боги тѣмъ не менѣе не всецѣло отличны отъ людей по своему происхожденію, тѣлесному виду и умственнымъ силамъ.

И съ своей точки зрѣнія эти поэты и вѣрующіе были правы. Если бы они оставили свою вѣру, то пожертвовали бы однимъ изъ необходимыхъ элементовъ религіи — вѣрой во взаимное родство, которое существуетъ между Богомъ и человекомъ, несмотря на безконечное превосходство Бога.

Вотъ почему попытка возвысить высшія естественныя религіи до уровня этическихъ путемъ постепеннаго развитія не имѣла успѣха. Эти натуръ-религіи достигли крайнихъ своихъ границъ: но онѣ остались только полуэтическими и лишенными гармоническаго единства этическаго и натурального элементовъ, единства, къ которому нельзя было приблизиться иначе, какъ только послѣ долгаго хода развитія. Такъ представленіе о Богѣ было очищено, возвышено и одухотворено насколько только было возможно. Другіе народы опередили въ этомъ Грековъ. Египетскіе пророки иногда восхваляютъ своего Амунъ-Ра, или вавилонскіе царскіе писцы своего Бель-Марудука, въ такихъ выраженіяхъ, которыя еврейскіе пророки не погнушались бы примѣнить къ Святому Израиля. Въ покаянныхъ псалмахъ вавилопямъ дышетъ глубокое чувство виновности. Слова, полныя утѣшенія, обращаются къ послѣднему изъ великихъ монарховъ Асура: «Твои грѣхи, о Асурбанипаль! какъ волны моря будутъ изглажены, какъ туманы на лицѣ земли исчезнуть они предъ ногами твоими!» Высшіе боги ни созданы, ни рождены, но сами себя создали (*banû lamništu, khoper tēsef*). Таково было ученіе, возвѣщавшееся на берегахъ Евфрата и Тигра, равно какъ и на берегахъ Нила. Какъ греки старались соединить въ Зевсѣ всѣ свойства всемогущаго, премудраго и благого правителя міра,—что сдѣлали они изъ Аполлона, бога свѣта, въ которомъ соединены были высшія свойства великаго генія, художественное вдохновеніе, мудрость, самопознаніе, и истинная человѣчность, и который сдѣлался органомъ откровенія божественной воли, искупителемъ вины и вдохновителемъ высшей жизни,—какъ древняя богиня природы Аонна, которая уже у Гомера перенесена была изъ области природы въ область духовной жизни, стала Пароенось, дѣвственной богиней, дѣйствующей всегда благоразумно во время войны и мира, покровительницей науки и искусства, представительницей богатой эллинской культуры, которая достигла своего высшаго пункта въ Аоинахъ, и той духовной жизни, которая сіяла оттуда всему міру и не погасла даже послѣ паденія древняго греческаго народа,—все это слишкомъ

хорошо извѣстно, чтобы требовалось больше простого напоминанія однимъ словомъ. Но все это было бесполезно. Боги были слишкомъ еще натурь-богами; служеніе имъ слишкомъ еще напоминало явленія и силы природы, коихъ олицетвореніемъ они нѣкогда были; кромѣ того они слишкомъ обременены были мѣрами, которые не соответствовали уже болѣе достигнутой теперь высшей этической ступени развитія, чтобы когда нибудь сдѣлаться чисто этическими божествами. Чтобы изъ естественной религіи могла родиться этическая, необходима реформа; и эта реформа должна не только замѣнить натурь-боговъ духовнымъ, нравственнымъ, личнымъ богомъ, но должна рѣшительно порвать и со старыми формами, удерживая ихъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой онѣ оказываются согласными съ тѣми высшими принципами, которые лежатъ въ ея основѣ. Какъ возникаютъ такія религіи, и какъ онѣ развиваются, я попытаюсь показать въ слѣдующей лекціи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки